

Шастина Елена Михайловна

РЕЦЕПЦИЯ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭТИКЕ ЭЛИАСА КАНЕТТИ

В статье рассматривается рецепция китайской культуры, нашедшая отражение в поэтике австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905-1994), которая носит программный характер и прослеживается на всех уровнях его творчества – от автобиографических текстов, заметок, эссе до романа "Ослепление". Автор статьи обращает особое внимание на влияние китайской философии на формирование эстетических взглядов Канетти, повлиявших на своеобразие его поэтики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 200-205. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

К тому же Аввакум оперирует не человеческими категориями, а ипостасями «пророка» и «земного грешника». И все же «добро» и «зло», разведенные порознь в средневековой традиции, у Аввакума «соединяются» в единой художественной целостности.

Итак, можно заключить, что корни русского психологизма следует искать в первых памятниках древнерусской словесности (Мономах, Даниил Заточник, Никитин). Подлинный прорыв в сферу личностного самовыражения и литературной «исповедальности» совершил Иван Грозный. Наиболее крупные заслуги в формировании основ психологического метода принадлежат выдающемуся художнику XVII века – протопопу Аввакуму, которого можно назвать своего рода предтечей М. Лермонтова и Л. Толстого.

Список литературы

1. **Адрианова-Перетц В. П.** Изображение внутреннего человека в русской литературе XI-XIV вв. // Вопросы изучения русской литературы XI-XX вв. Л.: АН СССР. (Ленингр. отд.), 1958. С. 15-24.
2. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 422 с.
3. **Гинзбург Л. Я.** О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1972. 444 с.
4. **Лихачев Д. С.** Изображение людей в житийной литературе XIV-XV века // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М.: АН СССР, 1956. Т. XII. С. 105-115.
5. **Лихачев Д. С.** Изображение людей в летописи XI-XIII вв. // ТОДРЛ. М. – Л.: АН СССР, 1952. Т. X. С. 4-43.
6. **Лотман Ю. М.** Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александрия, 1992. Т. 1. С. 243-247.
7. **Осьмухина О. Ю.** Авторская маска в русской прозе XIII – первой трети XIX в. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2008. 186 с.
8. **Туфанова О. А.** Структура художественного времени в «Житии» протопопа Аввакума // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2. Ч. 3. С. 167-171.

ROOTS OF TOLSTOI'S "DIALECTIC OF SOUL" IN RUSSIAN AUTOBIOGRAPHICAL TRADITION (THE XITH-XVIITH CENTURIES)

Tsirulev Aleksandr Fedorovich, Ph. D. in Philology
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
tsirulev.al@yandex.ru

The author considers the problem of forming the psychological branch of the Old Russian literature of the XIth-XVIIth centuries in connection with the development of autobiographical tendencies that found higher development in L. Tolstoi's trilogy, analyzes the outstanding monuments of the Old Russian literature that came from the pen of Monomakh, Daniil Zatochnik, Afanasii Nikitin, Ivan the Terrible, Habakkuk, etc.; and tells that the elements of artistic analysis originated in the Russian literature, and they were represented by the Terrible as "the elements of psychoanalysis" and by Habakkuk – as the beginning of the personal worldview.

Key words and phrases: psychologism; genre; autobiographism; medieval canon; author; "dialectic of soul".

УДК 821.112.2

Филологические науки

В статье рассматривается рецепция китайской культуры, нашедшая отражение в поэтике австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905-1994), которая носит программный характер и прослеживается на всех уровнях его творчества – от автобиографических текстов, заметок, эссе до романа «Ослепление». Автор статьи обращает особое внимание на влияние китайской философии на формирование эстетических взглядов Канетти, повлиявших на своеобразие его поэтики.

Ключевые слова и фразы: поэтика; китайская культура; Конфуций; конфуцианство; китайская философия; миф.

Шастина Елена Михайловна, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Елабужский институт)
shastina@rambler.ru

РЕЦЕПЦИЯ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭТИКЕ ЭЛИАСА КАНЕТТИ®

Современный китайский писатель, удостоенный в 2012 году высшей литературной премии, в своей нобелевской лекции, рассуждая о влиянии на его творчество «американца Уильяма Фолкнера» и «колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса», сформулировал эту идею следующим образом: «В моем понимании, один писатель может испытывать влияние другого в том случае, если в глубине души они в чем-то походят друг на друга».

друга, то, что называется – «воедино трепещут сердца» [13, с. 260]. В случае с Канетти речь идет не об отдельном мастере слова и мысли, повлиявшем на его поэтику, а о некоем ментальном воздействии всей китайской культуры. Исследование «китайского аспекта» в творчестве Элиаса Канетти заманчиво по ряду причин. Родившийся в 1905 году в Болгарии в низовьях Дуная и умерший в 1994 году в Швейцарии, он вошел в мировую литературу как австрийский писатель. Космополитизм Канетти связан не только с «многоязычием» его судьбы (он владел немецким, английским, французским, староиспанским языками), не только со сменой географического пространства (Болгария – Англия – Германия – Австрия – Швейцария), но, в большей степени, с мироощущением художника, для которого экзистенциальные, бытийные проблемы были всегда выше частных, бытовых. Его волновали темы – извечные, непреходящие: масса, власть, жизнь, смерть, религия, язык и т.д. Эти канеттиевские «медленные» темы заполняют все текстовое пространство автора, образуют так называемую «смысловую сферу» художника.

Как удачно подметил Д. Затонский, Канетти ощущал себя в Европе пришельцем, принадлежа к средиземноморской культуре, он «как бы глядел на нее с другого, восточного берега» [2, с. 222]. Его обращение к Востоку, как и у Гессе, связано с кризисом европейской культуры. Для Канетти, который понимал, что изображать жизнь по-старому, как это делалось до него – «в старых романах» – невозможно, поскольку мир находится в состоянии распада [11, с. 126]. Необходимо было найти свой путь к истине – свой Дао, который бы помог дать ответы на массу вопросов.

В западноевропейской литературе найдется немало примеров, иллюстрирующих духовный синтез Востока и Запада, благодаря чему мировая литература обогатилась великими произведениями. Подобно Герману Гессе, Канетти вдохновляет Восток. Если мистическая прародина Гессе – Индия, то для Канетти подобную функцию выполняет Китай. Тема «Канетти и Китай» упоминается в исследованиях ряда зарубежных ученых [18; 20; 21; 22], однако не получила на сегодняшний день, как нам кажется, достаточного освещения в отечественном литературоведении.

Роман «Игра в бисер» Гессе включает ссылки на китайскую философию, позволяющие расшифровать основную идею произведения. Как известно, главный герой – магистр игры Йозеф Кнехт – увлечен китайской классикой, читает Кун-цзы (Конфуция), учит наизусть песни из «Шицзин» («Книги песен»), усердно занимается гадальной игрой книги «Ицзин» («Книга перемен»), читает Чжуан-цзы. Интересы Кнехта, сосредоточенные на китайской философии, включают во временном отношении промежуток, равный нескольким тысячелетиям. Структура романа «Игра в бисер» представляет собой калейдоскоп символов, что свидетельствует о сходстве с принципом построения «Ицзин». У Канетти герой романа «Ослепление» Петер Кин, главный «китаист своего времени», также обустроивает свою жизнь в соответствии с восточным минимализмом, исключением является лишь его бесценная библиотека, которая хранит мудрость всего человечества.

Интерес к Китаю носит у Канетти программный характер. В автобиографической трилогии, в книге «Масса и власть», в публицистических статьях и эссе он формулирует *свое* собственное понимание китайской философской мысли. При этом удивляет диапазон рецепции китайской культуры, который необычайно широк – от культа предков до китайской истории и литературы. «С китайскими „учителями“ не расстаюсь никогда. Только досократики занимают меня так же давно, как и они, – всю мою жизнь. Ни с теми, ни с другими я не знаю усталости» [6, с. 301].

В первой книге автобиографической трилогии («Спасенный язык»), в которой описаны события раннего детства и юности, встречается рассказ об увлеченности будущего писателя Китаем. Речь идет о книге Марко Поло – первого европейца, посетившего Китай и описавшего данное событие [16, S. 120]. Позднее, в 1928 году, изучая химию в университете Вены, Канетти всерьез занимается историей и философией Китая. Среди китайских мыслителей особое влияние в этот период жизни оказывает на него Чжуан-цзы, автор многочисленных притч и коротких рассказов, которого Канетти позднее назовет «философом для дыхания» [7, с. 313], у которого прослеживается «осязаемая реальность фантастического» [6, с. 304]. Под влиянием этого философа Канетти даже начинает писать что-то вроде научного трактата, посвященного Дао. По Конфуцию, это путь нравственного совершенствования и правления на основе этических норм, следование по пути великих предков, воспроизведение «инвариантных» образцов, архетипов, в даосизме – высший первопринцип, источник бытия и всего сущего. Подобно главному герою романа Кину, для которого Конфуций выступает неким посредником между «миром в голове» и «безголовым миром», Канетти-синолог «примеряет» китайскую культуру, философию и литературу на современность. Об этом в 1970 году в «Заметках» он напишет: «Поле напряженности между тремя учениями Китая – между Менцием, Мо-цзы и Чжуан-цзы – представляется мне обладающим актуальностью, точнее не очертить напряженности духа и в современном человеке. <...> Для сегодняшнего человека нет литературы, касающейся его ближе, чем написанное ранними китайскими философами. Все несущественное здесь отмечается. Насколько возможно, здесь избегается искажение понятием. Дефиниция не обращается в самоцель. Речь все время идет о позициях, возможных по отношению к *жизни*, а не к *понятиям* [Там же] (*курсив Канетти*). Как известно, и у Конфуция не было таких понятий, которые могли бы быть предложены в виде готовых формул истины, он учил лишь «следовать обстоятельствам времени». Канетти часто обращается к китайцам, когда хочет выразить свое отношение к извечным ценностям, они являются для него своеобразным аксиологическим мерилом: «О добре китайцы знали больше, чем греки...» [Там же, с. 301]. Или еще: «Из всех мыслителей лишь древние китайцы обладали сносным достоинством...» [Там же] и т.д.

В эссе «Конфуций в своих «Беседах»» Канетти анализирует величайшее произведение китайского мудреца, в результате читатель знакомится с блестящей авторской интерпретацией «древнейшего законченного духовного портрета человека» [9, с. 92] – книги, которая, по мнению Канетти, очень актуальна для современного общества. Он формулирует основные постулаты Конфуция – человека, стремящегося к образцовости и с ее помощью желающего воздействовать на других. Идеальный человек, по Конфуцию, тот, кто испытывает отвращение к красноречию, кто стремится понять природу власти, ценит порядок и отсутствие расчёта, для которого жизнь важнее смерти, кто чтит предков.

Галерея портретов на страницах автобиографических книг Канетти представляет самых разных людей – от незнакомцев, оставшихся в памяти автора по известным лишь ему причинам, до признанных личностей. Максимализм Канетти, который он зачастую обрушивает на того или иного «персонажа», обескураживает неподготовленного читателя. Конфуцианская стойкость обнаруживает себя, например, при характеристике Брехта, с которым Канетти общался в 1928 году в Берлине. Сама поездка в Берлин стала для молодого Канетти потрясением, он ощущал себя пуританином после «стерильной духовной жизни» австрийской столицы, он был непримирим ко всему, что, так или иначе, отвлекало от главного – чистого служения искусству. Антиподом конфуцианскому представлению об идеальном человеке в определенном смысле стал для него Брехт, чья маскировка под пролетария (*proletarische Verkleidung*), прагматизм и цинизм в сочетании с величайшим талантом поэта вызвали в Канетти бурю протеста. Канетти, высоко ценивший поэзию Брехта, который, по его мнению, также благодаря китайцам обрел свою мудрость (*mit Hilfe der Chinesen zu einer Art Weisheit fand*) [15, S. 257], не воспринимал его как человека, олицетворявшего собой новую действительность.

Еще одна яркая личность – властитель умов, интеллектуал и непревзойденный оратор, кумир Канетти, «который был богом и, тем не менее, после почти пятилетнего единовластия был вытеснен, а еще через несколько лет низвергнут совершенно» [8, с. 35], – Карл Краус, чья фраза неприкосновенна – «ни одного пробела, ни одной трещины, ни одной неверной запятой – фраза за фразой, вещь за вещь складываются в китайскую стену» [Там же, с. 41]. Подобное сравнение также не случайно, поскольку закрепившееся за мудростью Конфуция прозвище «стена в десять тысяч саженей» [12, с. 8], начертанное красными иероглифами на крепостных стенах Цюйфу – родного города Конфуция, применимо также к Краусу, который спустя тысячелетия был «её одиноким строителем, продолжающим строить» [8, с. 41].

Краус – Китай – Канетти – естественная триада, дающая импульс для рассуждения о преемственности традиции в мировой культуре и о литературном процессе, не знаящем ни временных, ни пространственных ограничений. Можно предположить, что оба – Краус и Канетти – были знакомы с переводами китайских текстов на немецкий язык известного синолога того времени А. Пфицмайера (1808-1887). Однако в отличие от Канетти Краус никогда системно не изучал китайскую литературу, его знания фрагментарны, и он, по-видимому, не претендовал на научность [21, S. 26]. Обращение к китайской цивилизации, скорее, метафора, прагматично используемая Краусом – представителем западной цивилизации при воссоздании картины Апокалипсиса. Очевидно, что Канетти, находясь под «диктатурой» Крауса, не пропускал ни единой строчки, вышедшей из под пера своего гуру, в частности, читал его сатирические эссе, в которых отношения Запад – Восток уводятся в плоскость китайской культуры. Исследователь австрийской литературы Г. Штиг выказал предположение относительно возможных аналогий между Петером Кином и Карлом Краусом, прослеживающихся на разных уровнях – от жизненной позиции каждого до загадки имени протагониста [Ibidem, S. 23].

У писателя богатый арсенал возможностей для передачи собственного мироощущения. В самом начале романа «Ослепление» Кин заводит с девятилетним мальчиком по имени Франц Метцгер, в котором без труда узнаваем юный Канетти, разговор о Китае и о «великом китайце Мэн-цзы, жившем более двух тысяч лет назад» [10, с. 31]. Приведенный почти на двух страницах разговор является не только квинтэссенцией художественной формы произведения (обмен репликами, создающими неповторимые портреты литературных героев – их «акустические маски»), но и важным элементом сюжетосложения. Для «книжного червя» Кина, почитавшего книги выше всех прочих ценностей, Мэн-цзы – достойнейший из достойных.

Китайская философия выполняет в романе важную функцию: мысли и поступки Кина очень часто являются её отражением, выступают квази ориентиром в окружающем его мире. С одной стороны, Кин чтит Конфуция как высшую инстанцию, с другой стороны, он доверяет ему свои мысли, поскольку «не боялся обращаться к Конфуцию на «ты»» [Там же, с. 71]. Обрушиваясь на китайского мудреца, считавшего образование одним из главных средств совершенствования человека, с обвинениями, Кин пытается найти в необразованной служанке мнимые добродетели [Там же]. В результате возникает комичная ситуация – Конфуций в роли свата, подобно гётевскому Мефистофелю, сводит знаменитого сиолога и экономку Терезу.

Кин вторит Конфуцию, когда утверждает, что «недержание речи – величайшая опасность, угрожающая ученому» [Там же, с. 39]. Конфуций, Мэн-цзы и Будда выступают для Кина образцами. В книге масса цитат, которые вкладываются в уста исторических личностей и героя романа. Так, известное изречение Конфуция, которое приводится на страницах романа: «В пятнадцать лет моя воля была направлена на ученье, в тридцать я сложился, в сорок у меня уже не было сомнений, – но слух мой открылся лишь в шестьдесят» [Там же, с. 71], – является директивой для Кина, в соответствии с ней он пытается обустроить свою жизнь.

Совет Конфуция: «Наблюдай за повадками людей, наблюдай за побудительными причинами их поступков, проверяй, в чем находят они удовлетворение. Как скрытен может быть человек!» [Там же, с. 72], – наводит грусть на мизантропа Кина, отгородившегося от мира своей бесценной библиотекой, который

оказывается в тупике, поскольку дезориентирован, беспомощен, поскольку, как выясняется, оказывается практически не способным противостоять обстоятельствам.

Изречение Конфуция – «Ошибаясь, не исправляться – это и есть ошибаться. Совершив ошибку, не стыдись исправить ее» [Там же, с. 73], подтолкнуло Кина на неверный шаг, на женитьбу, которая привела его к гибели. Для сравнения – подобная мысль выражена у Канетти следующим образом: «Действуй так, как не смог бы больше никогда» [6, с. 255].

Отношение Канетти к смерти сложилось также не без влияния Конфуция: «Я не знаю другого мудреца, который бы серьезнее относился к смерти, чем Конфуций» [9, с. 94]. «Бессмертие у китайцев – это долголетие. Речь идет не о душах. Всегда присутствует тело, пусть даже легкое и окрыленное, прошедшее сначала долгий путь по горам в поисках таинственных корешков» [7, с. 358]. Известный факт, что древнекитайской культуре не была свойственна драматизация физической смерти, не отсюда ли такое стойкое неприятие смерти Канетти? «Наконец, и этим я одержим всего сильнее, это смерть, которой я не могу признать, но которой никогда не перестану заниматься, которую должен тревожить в самых ее потайных уголках, чтобы уничтожить ее привлекательность и ложный блеск» [3, с. 57].

Канеттиевская теория массы подкрепляется ссылкой на Китай, когда писатель утверждает, что «традиции китайцев уже на ранних этапах их истории определяются массовостью человеческого существования» [6, с. 301]. В «труде всей жизни» – книге «Масса и власть» – ему удалось создать собственную теорию, которая далека от научной. По мнению К. П. Лиссмана, Канетти посвятил свою жизнь науке, которая ею не была [19, S. 291]. Исходя из того, какой «терминологией» оперирует Канетти, как аргументирует свое мнение, можно сделать вывод, что он далек от научной трактовки ключевых понятий. Его «терминологический аппарат» экспрессивен, характеризуется образностью и пластичностью. В отличие от научного термина, который тяготеет к однозначности, термины Канетти метафоричны, например: «разрядка», «прорыв», «переживший других» и т.д. В исследовании «Масса и власть» Канетти подобно Конфуцию обращается к прошлому потому, что только исторический опыт человечества позволяет ему выявить в жизни людей типичное и, следовательно, непреходящее.

Канетти-писатель берет на вооружение конфуцианский культ предков и переносит его на литературу. «Поэт нуждается в предках» (Ein Dichter braucht Ahnen) [14, S. 319], почитание литературных предшественников возводится им в культ, ему нужны образцы для подражания, какими в разные времена для него были Краус, Музиль, Брехт, Кафка, Гоголь и многие другие.

Рассуждая о событиях прошлых лет, Канетти на страницах романа «Ослепление» приводит исторические факты, связанные с трагическими событиями сожжения книг во времена правления китайского императора Ши-хуанди (213 г. до н.э.), его герой сокрушается, «почему этим ужасным событиям суждено было случиться именно в Китае, который для всех нас – земля обетованная» [10, с. 124]. Самосожжение Петера Кина вместе с библиотекой – мировой сокровищницей символично. Наибольшее зло, какое только мог себе представить Кин, лишившийся в огне бесценных книг, является символом нового времени.

Кульминационной в плане постижения главного героя через призму китайской философии является предпоследняя глава романа – «Хитроумный Одиссей». Разговор по душам братьев – Петера и Георга – не бытовая сцена выяснения отношений, а диалог образованных людей, хорошо ориентирующихся в философских течениях и школах. Оба героя выражают точку зрения автора, когда рассуждают о роли китайской философии для западной культуры. Конфуций для Китая так же значим, как Аристотель для западной цивилизации. Кроме этого, в романе можно выделить ряд символических знаков, семантика которых раскрывается при обращении к китайской мифологии: красный петух, кровожадный тигр, облаченный в кожу и одежду молодой девушки, и др. Сомнительное заведение «У идеального неба», в котором развиваются события в романе, можно связать с мифом космогонического характера – с культом неба в китайской мифологии и с мифом о починке неба.

Прямые и завуалированные (в форме скрытых цитат и аллюзий) указания на исторические и философские источники, мифы, являются характерными чертами поэтики Канетти. Отдельного разговора, выходящего за рамки данной статьи, заслуживают в этой связи «Заметки», которые выполняли в течение всей жизни писателя роль отдушины, они пестрят именами китайских философов. Это – Конфуций, последователи Конфуция Сюнь-цзы и Мэн-цзы, Чжуан-цзы, противники Конфуция – Мо-цзы, основатель даосизма – Лао-цзы и многие другие. Рассуждая о жанре «Заметок», Канетти отмечает, что это возрожденная «старая китайская форма» [17, S. 186]. Он лаконичен, поскольку уверен, что магия слова не нуждается в излишествах. Излюбленный китайскими поэтами стилистический прием – параллелизм, доходящий до мелочей, становится у Канетти маркером его индивидуальности: «Все изящней часы, все опаснее время» [6, с. 291]; «Не толкуй ничего, не разъясняй ничего. Оставь немного и тем, что желали бы поломать голову» [7, с. 322].

Длинный пассаж из книги «Заметки для Мари-Луизы» («Aufzeichnungen für Marie-Louise») посвящен китайской лирике, а именно, особенностям и трудностям перевода китайской поэзии на английский язык. «Китайская лирика для людей образованных заменила, похоже, все, что раньше относили к жанровой поэзии <...> Китайский стих – гораздо более продуманная поэтическая структура, чем мы привыкли считать; <...> У китайцев же именно в стихах не полагалось писать о чудесах <...> эта лирика исполнена скептицизма, она создавалась высокопоставленными чиновниками или правителями, которым важно было показать, насколько свободны они от суеверий» [5, с. 189].

Примечательным является тот факт, что при характеристике творчества Кафки Канетти обращается к Китаю. На страницах произведения «Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелице» он открывает Кафку с иной стороны, обнажает причины, по которым тот оказывается близок и понятен каждому, кто жил или живет в условиях тоталитаризма, рассуждает о сокровенном, личном. Канетти приводит интересное наблюдение, полагая, что некоторые из рассказов Кафки будто сами просятся в китайскую литературную традицию: «Китайские темы вообще довольно часто подхватываются европейской литературой еще с XVIII столетия. Но единственный истинно китайский по своему духу писатель, выросший на Западе, – это Кафка» [4, с. 183]. «Китайский» аспект Кафки можно усмотреть во многом: в совершенно особой окраске его ритуализма, в интересе к насекомым и вообще маленьким животным, в склонности их увеличения. «Но наиболее поразительно другое средство защиты, которым он владеет с такой уверенностью, какая отличает еще разве что китайцев: это умение превращаться в маленькое. Ненавидя насилие и не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы открыто ему противостоять, он увеличивал дистанцию между заведомо более сильным и собой за счет того, что сам уменьшался в размерах, благодаря этому он достигал двойной цели: ускользал от угрозы, становясь для нее слишком ничтожным, и избавлялся сам от всех презренных атрибутов и соблазнов насилия; ведь мелкие зверушки, в которых он особенно любил превращаться, совершенно безобидны» [Там же, с. 181]. Следует отметить, что «превращение как авторская мифологема» [1, с. 29] является одной из особенностей канеттиевского мифологизма, доминирующим признаком его мифопоэтики. Канетти находит в Кафке родственную душу, потому что говорить о писательстве «чище и строже», чем это делал Кафка, просто невозможно. Для Канетти, как и для Кафки, писать значит открываться сверх всякой меры, он «вовлекает» Кафку в свой ценностный мир, находит массу подтверждений духовной близости, выстраивая линию: Канетти – Китай – Кафка.

«Если человек поутру познает истинный Путь», – говорил Конфуций, –то «вечером он может умереть без сожаления» [12, с. 350], Канетти вторит китайскому мудрецу, когда призывает «найти путь сквозь лабиринт своего времени, не заплутавшись в нем, но и не выскакивая из него» [6, с. 305]. С этой бесхитростной мудростью Конфуция и Канетти можно жить вечно.

Предпринятый экскурс в историю вопроса является лишь попыткой проследить так называемый «китайский след» в творчестве австрийского писателя, чтобы объяснить проникновение китайской культуры в художественный мир Канетти. Это можно проследить на различных уровнях – от прямого высказывания писателя о Китае, китайской философии на страницах автобиографических произведений, в книгах заметок, эссе до ее рецепции в поэтике художественных произведений.

Список литературы

1. Барова А. Г. Превращение как авторская мифологема в романе Элиаса Канетти «Ослепление» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23). Ч. 2. С. 29-31.
2. Затонский Д. Нобелевская премия полвека спустя (штрихи к портрету Элиаса Канетти) // Иностранная литература. 1989. № 7. С. 220-230.
3. Канетти Э. Диалог с жестоким партнером / пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 44-58.
4. Канетти Э. Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелице / пер. с нем. и послесловие М. Рудницкого // Иностранная литература. 1993. № 7. С. 141-195.
5. Канетти Э. Заметки для Мари-Луизы / пер. с нем. А. Кацуры // Иностранная литература. 2007. № 4. С. 184-193.
6. Канетти Э. Из книги: «Заметки. 1942-1972» / пер. С. Власова // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 250-309.
7. Канетти Э. Из книги: «Тайное сердце часов. Заметки 1973-1985» / пер. С. Власова // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 310-358.
8. Канетти Э. Карл Краус, школа сопротивления / пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 34-43.
9. Канетти Э. Конфуций в своих «Беседах» / пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 91-96.
10. Канетти Э. Ослепление: роман / пер. с нем. С. Апта; предисл. Д. Затонского. М.: Художественная литература, 1988. 496 с.
11. Канетти Э. Первая книга – «Ослепление» / пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 119-129.
12. Малявин В. В. Конфуций. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. 357 с.
13. Янь Мо. Сказитель: нобелевская лекция / перевод с китайского И. Егорова // Иностранная литература. 2013. № 5. С. 254-266.
14. Canetti E. Das Augenspiel. Lebensgeschichte (1931-1937). München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1985. 353 S.
15. Canetti E. Die Fackel im Ohr: Lebensgeschichte 1921-1931. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop. 1996. 348 S.
16. Canetti E. Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop. 1994. 333 S.
17. Canetti E. Nachträge aus Hampstead. Aus den Aufzeichnungen 1954-1971. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999. 206 S.
18. Chen Yun. Canetti und die chinesische Kultur: Diss. Heinrich-Heine-Universität. Düsseldorf, 2003. 178 S.
19. Liessmann K-P. Auf fremden Pfaden // Einladung zur Verwandlung. Essays zu Elias Canettis «Masse und Macht» / Hrsg. von M. Krüger. München; Wien, 1995. S. 286-312.
20. Thele A. Hermann Hesse und Elias Canetti im Lichte ostasiatischer Geistigkeit: Inaugural-Dissertation: zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Heinrich-Heine-Universität. Düsseldorf, 1992/1993. 129 S.
21. Timms E. Canetti, Kraus und China // Elias Canetti. Londoner Symposium. Hrsg. von A. Stevens und F. Wagner. Stuttgart: H.-D. Heinz. Stuttgarter Arbeiten zur Germanistik, 1991. Nr. 245. S. 21-30.
22. Wu Ning. Canetti und China: Quellen, Materialien, Darstellung und Interpretation. Stuttgart: H.-D. Heinz, Akademischer Verlag, 2000. 200 S.

RECEPTION OF CHINESE CULTURE IN ELIAS CANETTI'S POETICS

Shastina Elena Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Elabuga Institute of Kazan' (Volga Region) Federal University
shastina@rambler.ru

The author considers the reception of the Chinese culture, as represented in the poetics of Austrian writer and Nobel Prize winner Elias Canetti (1905-1994), which is related to programme character and can be traced at all levels of his creative works – from autobiographical texts, notes, essays to the novel –Auto-da-Fé”, and pays particular attention to the Chinese philosophy influence on Canetti's aesthetic views formation that influenced the originality of his poetics.

Key words and phrases: poetics; Chinese culture; Confucius; Confucianism; Chinese philosophy; myth.

УДК 82.01

Филологические науки

В статье речь идет о влиянии философских взглядов Л. М. Лопатина на творчество поэта Серебряного века, символиста И. Ф. Анненского. Выдвигается предположение о том, что через антропологическую систему Лопатина, включающую в себя обширные знания ученого по истории мировой философии и психологии, были приведены в творческий порядок мировоззренческие установки Анненского-лирика. В статье в свете поставленной проблемы исследуется главный принцип художественной организации одного из самых известных и загадочных стихотворных сборников русского символизма («Кипарисовый ларец»).

Ключевые слова и фразы: лиризм Анненского; итоговая книга стихов; учение динамического спиритуализма Лопатина; художественная философия.

Шевчук Юлия Вадимовна, к. филол. н.
Башкирский государственный университет
julyshvchuk@yandex.ru

**«КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ» И. Ф. АННЕНСКОГО
И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. М. ЛОПАТИНА ©**

Известный исследователь Г. В. Петрова предположила, что оказать существенное влияние на эстетические представления Анненского-драматурга и критика могли работы Л. М. Лопатина [9, с. 26, 72]. В свою очередь мы считаем возможным выдвинуть следующий тезис: с учетом влияния на мировоззрение поэта философских взглядов Льва Михайловича Лопатина было бы плодотворно интерпретировать итоговую книгу стихов Анненского «Кипарисовый ларец».

Лопатин (1855-1920) был одним из заметных мыслителей в культуре Серебряного века, философом и психологом. Он современник Анненского, друг В. Соловьева, долгое время редактор журнала «Вопросы философии и психологии», председатель Московского Психологического общества, главным трудом для ученого были «Положительные задачи философии» (основные положения диссертационного исследования Лопатин развивал в своих статьях по этике). Его лекции публиковались в журнале «Вопросы философии и психологии» на рубеже веков и особенно привлекли внимание Анненского. В письме П. П. Семенникову, написанном в апреле 1891 года, поэт сообщает: «Сам я за это время читал главным образом статьи философского содержания в этом новом Московском журнале Грота –«Вопр<осы> Филос<офии> и Психол<огии>». Много очень интересного, особенно по этике (Л. М. Лопатина)» [3, с. 125-126].

По-видимому, через систему Лопатина были приведены в творческий порядок философские установки Анненского-лирика, задумавшего в «Кипарисовом ларце» (1910) выразить духовный путь человечества и трагизм внутреннего мира современника, не ощущающего твердых нравственных основ и вынужденного выводить их самостоятельно, как бы повторяя пройденный людьми многовековой путь познания природы и самих себя. Переводя Еврипида и соединяя греческий миф с психологическим портретом современника, поэт решал масштабную задачу и в своей драматургии.

В статье «Теоретические основы сознательной нравственной жизни» (1890), одной из тех, о которых Анненский восторженно отзывался в вышеприведенном письме, Лопатин пишет: «Из того, что человек *может* возвыситься над своими влечениями, никак еще не вытекает, чтоб он всегда был над ними *возвышен*... Пока мы хотим одного, мы не хотим ничего противоположного; пока мы подчиняемся одному желанию, мы тем самым исключаем воздействие желаний с ним разногласящих. Чтоб остановить влияние какогонибудь мотива, нужно иногда очень большое внутреннее усилие, а откуда оно возьмется, если мы уже покорились мотиву? В этом – источник внутренней связности, которая существует и в нравственной жизни, как